

Едва сойдя с пристани, все семьи сразу расходились кто куда. Раньше, пока Чжун Мин не был женат, он, разумеется, держался вместе с семьёй второй тётки, но теперь у него была своя маленькая семья. Чжун Чунься не стала чинить помех, напротив, радушно подтолкнула его идти рядом с Су И и ещё с намёком поинтересовалась, не забрать ли им с собой Чжун Ханя.

Чжун Хань, конечно, и слышать не хотел об этом, он двумя руками тянул то Чжун Мина, то Су И, ни за что не желая их отпускать, и взрослые, в конце концов, просто взяли с ним за руки.

Теперь, когда днём они весь день торгуют, семейные прогулки случаются редко. В доме их трое, и хоть Чжун Хань и приходится Чжун Мину братом, но разница в возрасте была велика, потому его все баловали и обращались как с ребёнком. А сам Чжун Хань, будучи самым младшим, давно мечтал обрести хоть каплю авторитета. Несколько дней назад он невестку от кого услышал, что если брат с невесткой заведут ребёнка, то он сам станет губо (младшим дядей по отцу) и с тех пор ему просто не давал покоя этот соблазнительный титул. Вернувшись, он сразу принялся выспрашивать у Чжун Мина и Су И, когда же у них появится малыш, ведь он так хочет поскорее стать губо и ходить с важным видом.

Су И покраснел, Чжун Мин лишь с досадой рассмеялся, а Чжун Чунься, услышав этот разговор, пришла в полный восторг и принялась щипать племянника за щёки, велев ему не болтать всякое.

— Брат, невестка, там впереди продают рыбные пирожки!

«Юйцзайбин» — это праздничное угощение, традиционное в этих краях к Празднику Середины Осени: снаружи румяная, запечённая до золотистой корочки оболочка, внутри — начинка из красной фасоли или клейкого риса, а форму придают с помощью деревянных форм. Каждый пирожок напоминал маленькую рыбку. Именно благодаря милому виду и приятному вкусу такие пирожки чаще всего покупают детям. Стоило только приглядеться к прохожим на улице, как сразу можно было заметить: многие малыши держат в руках завернутую в промасленную бумагу маленькую «рыбку».

Такую выпечку в семьях людей воды практически никто не готовит, поэтому ещё с утра Чжун Мин пообещал Чжун Ханю: если увидит, что где-то продают рыбные пирожки, то обязательно купит.

Теперь, когда они действительно наткнулись на прилавок, он подошёл узнать цену. Как и следовало ожидать, на праздник всё на улицах дороже обычного, особенно такие сезонные вещи, как «юйцзайбин», которые продаются всего раз в год. Маленький пирожок стоил шесть вэнь. Начинка предлагалась либо из красной фасоли, либо из клейкого риса. Чжун Мин сразу сказал, что берёт три, и стал уговаривать продавцов, супружескую пару, скинуть немного с цены. В итоге договорились: пятнадцать вэнь за три штуки, выходит, один пирожок стал дешевле на монетку.

Он дал Чжун Ханю выбрать, и тот выбрал с красной фасолью, потом Чжун Мин обернулся к Су И и спросил, любит ли тот клейкий рис. Он знал, что его супруг обычно предпочитает мягкие и

тягучие угощения. Услышав, что Чжун Мин берёт три пирожка, Су И сначала подумал, что два из них для Тан Ин и Тан Цюэ, а когда понял, что один для него самого, слегка удивился. Но он и правда любил начинку из клейкого риса, поэтому лишь тихо кивнул.

Чжун Мин с улыбкой принял три рыбки-пирожка: один отдал младшему брату, один — супругу, а от третьего сам откусил кусочек. Тут же несколько мужчин, проходивших мимо, стали поглядывать на него, с интересом рассматривая с ног до головы. Видать, нечасто им доводилось видеть такого рослого мужчину, да ещё и не стесняющегося на людях есть детскую сладость.

Су И поначалу тоже смущался - неудобно как-то, всё-таки еда для малышей, но, увидев, что Чжун Мин спокойно ест, тоже перестал обращать внимание на посторонние взгляды. Он поднёс пирожок к губам и откусил. Начинка из клейкого риса оказалась с добавлением сахара, мягкой и с лёгкой сладостью. Су И уже и не помнил, покупали ли ему когда-то рыбные пирожки его два отца. Наверное, покупали, просто у него не осталось воспоминаний. Промелькнуло десяток с лишним лет, но всё же нашёлся человек, который считал его ребёнком и покупал ему такое детское лакомство.

То ли из-за праздника, то ли по другой причине, но, пока он жевал пирожок, в глазах у него всё сильнее щипало. Он незаметно втянул носом воздух и молча проглотил кусочек.

- Чего молчишь, невкусно, что ли? — увидев, что Су И всё это время не проронил ни слова, Чжун Мин не удержался от вопроса.

Су И покачал головой, поднял голову и с улыбкой ответил:

— Нет, вкусно.

Он посмотрел на пирожок, из которого уже откусил, и, повернув его целым хвостиком к Чжун Мину, протянул вперёд:

— Хочешь попробовать?

Чжун Мин посмотрел на него сверху вниз и будто бы заметил, как в уголке глаза у супруга блеснула прозрачная капля. Но в следующую же секунду всё исчезло, и он подумал, что, возможно, ему показалось и это просто отражение фонарного света.

Он не стал отказываться от жеста заботы, склонился и откусил кусочек от рыбьего хвоста. Там почти не было начинки, всего капелька клейкого риса, но вкус всё же ощущался, и назвать его невкусным было нельзя.

Держа в руках рыбные пирожки, они втроем продолжили идти вперёд. Вокруг без конца раздавались крики зазывал: торговцы фонарями соорудили высокие бамбуковые каркасы и

развесили на них целые ряды пестрых фонариков, а геры, продававшие цветные шнурки-амулеты, несли на согнутой руке бамбуковые корзинки, на которых по кругу висели связки плетёных украшений, они тихо колыхались на ветру, словно цветы в пышном цветении.

Продавец прохладительных напитков звонил в деревянную трещотку: в большой бочке на тележке плескалась вода с маринованной черёмухой и кислой сливой. Один бамбуковый стакан стоил всего две медных монеты. Дальше по улице шёл торговец с тележкой, на которой продавали лепешки из тертой редьки. Это солёное угощение, и, раз уж перед этим они ели сладкое, то, увидев солёное, трудно было не поддаться искушению. Чжун Мин окликнул торговца и купил одну порцию, всего шесть кусочков.

Поскольку дома они уже наелись, уличную еду брали просто ради вкуса, а не чтобы утолить голод. Вроде бы каждому по два кусочка, но Чжун Хань съел всего один и тут же пожаловался, что больше не влезает, и тогда Чжун Мин предложил Су И взять лишний.

Лепешки из тертой редьки были приготовлены из рисовой муки с добавлением тертой белой редьки. Торговец заранее парил их дома, а на месте поджаривал на масле, так что аромат доносился чуть ли не за сотню шагов.

- Там внутри ещё и креветочная стружка, — заметил Су И. — Думаю, если купить рисовой муки, мы и дома сможем такое делать.

На вид лепешка из тертой редьки мало чем отличается от обычного рисового пирога и куда проще в готовке, чем слоёные пирожные из кондитерской или фигурные печенье. Раньше дома не было железного котелка, жарить на масле было неудобно, а теперь есть, значит, вполне можно попробовать. Не для продажи, а просто побаловать себя, в любом случае дешевле, чем покупать готовое.

- Когда у нас будет каменный жернов, — заметил Чжун Мин, — даже рисовую муку покупать не придётся, сами сможем рис в муку молоть.

Услышав это, Су И засмеялся:

- И правда.

Теперь у них в доме уже был железный котёл стоимостью в несколько лян серебра, что по местным меркам уже редкость, если потом появится ещё и каменный жернов, то жизнь их семьи и впрямь можно будет считать одной из самых зажиточных во всём Байшуйао.

Сладкое и солёное они уже попробовали, и, когда подошли к знакомой палатке с вонтонами, есть не хотелось совсем. Чжун Мин вспомнил, как в прошлый раз он и Су И ели тут вонтоны, и тогда он уже прикидывал, как было бы хорошо взять этого гера домой, в семью. Даже мечтал, что однажды отведают вонтоны, которые тот налепит сам.

Услышав его слова, Су И прикусил губу и тихо сказал:

— Хочешь вонтонов, чего ж не сказал раньше. Я ведь всё забываю, а если хочешь, я завтра и налеплю. Только я же не умею делать тесто, надо будет у второй тётки спросить, она точно умеет. Я у неё научусь и сделаю для тебя.

— Не спеши, — мягко ответил Чжун Мин. — Мы ведь и так целыми днями заняты. Лучше, когда я вернусь с поездки на судне семьи Хуан, тогда и приготовь. Так мне и в море будет легче, будет о чём мечтать, будет за чем спешить домой: ради твоих вонтонов.

Су И встретился с его взглядом, в котором вдруг вспыхнул тот самый жар, от которого у него всегда сбивалось дыхание. Он невольно вспомнил, что Чжун Мин обещал ему нечто большее, чем просто вонтоны, и в сравнении с тем обещанием чашка вонтонов казалась такой мелочью. Раньше, когда речь заходила о том, что Чжун Мин должен уйти в море на три-четыре дня, у Су И всякий раз замирало сердце: он беспокоился, не мог толком спать по ночам, а однажды даже увидел дурной сон. Он никому о нём не рассказывал, счёл его плохим знаком, хотел поскорее забыть и наутро пошёл к статуе Морской Богини, чтобы зажечь благовония и вымолить для Чжун Мина защиту.

А теперь тут и вонтоны, и мысли о вещах куда более интимных, всё это вдруг успокоило его сбивчивые чувства, словно погладило по сердцу и приглушило тревогу.

— Ты только скажи, с какой начинкой хочешь, — прошептал он. — Я тебе всё приготовлю.

Он обернулся, притворившись, будто рассматривает прилавки у дороги, покраснев до ушей, ускользая от взгляда Чжун Мина. Тот, усмехнувшись, обнял его за плечи и, не спеша, повёл дальше сквозь людскую толпу.

Чжун Хань из-за маленького роста и не подозревал о немом обмене взглядами над его головой между старшим братом и его супругом. Он гладил свой набухший от сытости животик и вертел головой, разглядывая развешанные по улицам фонари.

Раз уж пришли, нужно что-нибудь и унести домой. Су И заметил, что Чжун Хань не сводит глаз с одного фонарика в форме зайца. Не дожидаясь, пока Чжун Мин полезет за кошельком, он сам развязал свой мешочек и вынул монеты, заплатив тридцать вэней.

Заработок от торговли они складывали вместе, и в дорогу всегда брали деньги оба. Но Су И сам почти никогда ни на что не тратился.

Фонарик за тридцать вэней стоил недёшево, но и сделан был особенно искусно и расписан в несколько цветов. Чжун Хань гордо нёс его в руке, ловя на себе завистливые взгляды других детей. Он расправил плечи и начал идти с таким видом, словно сам был важной персоной, а подбородок задрал так высоко, что только крыльев не хватало.

Они прошли с южной улицы на северную. Чжун Мин увидел, как у одного из магазинов шелка возле входа расставили стол с ароматическими саше, и остановился, сказав, что хочет взглянуть. Су И не знал, что именно он задумал купить, но молча пошёл следом и как раз услышал, как супруг хозяйина прилавка называет цену.

- Побольше — пятьдесят вэней за штуку, поменьше — по тридцать.

— Что ж это за вещица такая дорогушая? — у Су И от этих слов сердце сжалось. Он подошёл ближе посмотреть и увидел, что это вышитые саше — мешочки с ароматными травами, сшитые на шёлковой основе. Неудивительно, что цена кусалась: шёлк ведь не простая материя, люди вроде них и прикоснуться к такому не каждый день могут. Даже тонкий хлопок для них был роскошью. Да и тот тонкий наряд, что Су И надел в день свадьбы, с тех пор носил всего пару раз, обычно он трудился в грубой льняной одежде.

- Если скинете цену, я возьму один большой и один поменьше, — сказал в это время Чжун Мин.

Су И, услышав это, инстинктивно дёрнул его за рукав. Разве непонятно, для кого эти две вещички? Маленький — для Чжун Ханя, но большой... Зачем ему самому такая драгоценность? Он ведь всё время возится то с рыбой, то с креветками, зря только хорошую вещь испортит.

Но Чжун Мин думал иначе: раз уж праздник, так и положено супругу подарить что-нибудь памятное. Это ведь не еда, что исчезнет в желудке. Саше, как украшение, можно носить каждый день, оно останется. Сегодня, выйдя из дома, Су И как раз надел ту самую серебряную шпильку, что была в его волосах в день свадьбы. При каждом движении она чуть покачивалась, и Чжун Мин не мог отвести глаз.

Продавец, державший лавку с ароматическими саше, быстро сообразил, что перед ним молодая семейная пара с воды. Хотя они были людьми воды, на одежде не видно заплат, а у ребёнка в руках недешёвый праздничный фонарик в виде кролика, да и у гера на ушах серебряные серёжки, а в волосах серебряная шпилька. Очевидно, что не бедняки, просто видно, что это супруг стесняется тратить лишнее.

Он давно торговал, потому сразу понял, что говорить в такой момент:

— У нас в саше трав и лепестков насыпано с избытком, запах держится целый месяц. Даже если по прошествии месяца с расстояния будет не слышно, вблизи всё равно почувствуете. Не то что в других лавках, там домой только принесёшь, через три-четыре дня и следа нет.

Он взял одно саше, развязал его и показал содержимое:

— Сами поглядите, какая ткань, какая вышивка — разве не стоят они своих денег? Даже когда аромат выветрится, можно досушить лепестков, снова наполнить и использовать дальше. Или, скажем, как мешочек для денег, для мелочей, что угодно.

Но Су И, несмотря на всё это, не выглядел особенно склонным к покупке. Продавец про себя подумал: «Ха, гляди-ка, муж-то у него ростом с башню, а слушается, как котёнок. Сам пришёл спрашивать цену, а раз супруг не соглашается, так и не берёт».

Торговец, заметив это, лукаво блеснул глазами, выбрал ещё два саше с другим узором и с улыбкой продолжил:

— У нас узоров множество, можно выбрать неспешно. Вот, к примеру, уважаемый господин держит в руках саше с изображением цветка цзывэй - цветёт он сто дней, символизирует долголетие и благополучие. А этот с гранатами, символизирует множество потомков, достаток и продолжение рода. Ещё есть пионы - цветок богатства, орхидеи - цветок благородного мужа...

Он говорил, внимательно следя за выражением лиц покупателей. Заметив, как при словах «много потомства, много счастья» Су И явно чуть дольше задержал взгляд, он понял, что попал в цель. Тогда торговец ловко выудил из корзины именно это саше с гранатами, поднёс ближе и сказал:

— А не по душе ли уважаемому господину вот этот узор?

Раньше Чжун Мин вовсе не разбирался в саше, да и не знал, что у них столько значений и намёков. Даже сам он, услышав про «гранаты — сто плодов», невольно подумал об этом, но говорить вслух не стал, знал, что супруг тут же смутится.

В итоге саше всё же купили, именно то, с изображением гранатов. На расспросы торговец пояснил, что у гранатовых цветов нет выраженного аромата, поэтому внутри лишь щепоть лепестков для украшения, а запах дают особые успокаивающие травы.

Договорились, что возьмут одно побольше, другое поменьше. Продавец уступать в цене не захотел, но согласился в подарок добавить два платочка из тонкой ткани. Чжун Хань выбрал себе с узором персиковых цветов и тут же привязал к поясу. А Су И хоть и получил свой, так и не повесил, слишком уж берег, чтобы не помять в толпе. Потому Чжун Мин и позволил ему сберечь подарок как зеницу ока, припрятав за пазухой.

И потому, когда настала пора укладываться спать, Чжун Мин, прижавшись к тонкой одежде своего супруга, ощущал, будто вся она пропиталась лёгким, стойким ароматом.

Он и сам поделился этим ощущением с лежащим рядом фуланом. Тот, смутившись, поднял руку, чтобы прикрыть полы одежды, не позволяя тому прикасаться дальше, но вместо этого оказался схвачен. Пальцы легли в тёплую ладонь, а затем на их тыльную сторону опустился мягкий поцелуй. Следом ещё более неуловимое прикосновение: самый маленький, мягкий пальчик оказался заключён между губами.

В темноте, что окутала каюту, вскоре раздалась лёгкие дрожание и сдержанные вздохи.

<http://bllate.org/book/13583/1205031>